

СЛАВОМИР ПРОМЕР

СИДОР

Д е д у ш к а

В н у к

О к у л и с т

На сцене кушетка, у изголовья которой на полу лежит книга. Два стула, шкаф, на стене белый жимлист с рядами букв и цифр различной величины для проверки зрения. Телефон, двери. На диване лежит Окулист, мужчина средних лет, в очках. Читает книгу. Слышен стук в дверь. Окулист встает с дивана.

О к у л и с т. Войдите. /Входят Внук и Дедушка. Внук первым, это мужчина на четвертом десятке, угловатый, сильный. За ним Дедушка, маленький старичок с седой бородкой, с двустоволкой за плечом/.

В н у к. Добрый день, доктор. Это Дедушка.

О к у л и с т. Приветствую вас. О! Дедушка? Он еще великолепно выглядит.

В н у к. Потому я и пришел с ним.

О к у л и с т. Вы с охоты? Несчастный случай? Пыж попал в глаз?

В н у к. Нет, нет. Дедушка только будет стрелять.

О к у л и с т. А, значит несчастный случай еще впереди. Вы пришли ради профилактики?

В н у к. Никакого несчастного случая не будет. Дедушка просто выстрелит, и конец.

О к у л и с т. Это обязательно?

В н у к. Послушайте, Дедушка должен стрелять?

О к у л и с т. Если соблюдать правила стрельбы, то нет причин для противопоказаний. У старости свои права.

В н у к. Вот именно. Дело только в очках.

Окулист. Неприятности со зрением?

Хихихху

Внук. Дедушка плохо видит. Будут у него очки, и он выстрелит.

Окулист. Итак, если я правильно понял, он будет стрелять в цель?

Внук. Ясное дело. Видите, доктор, он уже ищет. /Дедушка, который до сих пор стоял спокойно, начинает что-то искать в комнате, метр за метром, сгорбленный, лицо у самого пола, как у человека, страдающего близорукостью/.

Окулист. Что он ищет?

Внук /не отвечая/. Дедушка, успокойся, его тут нет.

Окулист. Действительно, кроме нас, никого нет.

Внук. Дедушка у нас озлобленный. Я его знаю.

Окулист. Он патриот?

Внук. Между прочим, да. Но речь идет о Сидоре.

Окулист. О каком сидоре?

Внук. Уж мы-то будем знать, о каком Сидоре!

Окулист. Это ваш знакомый?

Внук. Именно это и надо проверить.

Окулист. Каким образом?

Внук. Дедушке надо дать очки. Тогда он его узнает.

Окулист. А когда узнает?

Внук. Тогда будет в него стрелять. Очки нужны ему, чтобы узнать его, а потом, чтобы стрелять в него. Потому-то мы и пришли, доктор. /В это время Дедушка заглядывает под кушетку, под стулья, ищет везде, но не снимает двустволки с плеча/.

Окулист. А что... этот Сидор сделал что-нибудь плохое?

Внук. Откуда это известно, если у дедушки нет очков и он не может узнать его?

Окулист. Так вы вообще его не знаете?

Внук. Я ведь говорю ясно, что мы его ищем.

Окулист. И ваш дедушка его тоже не знает?

Внук. Без очков?! Вы шутите!

Окулист. Как же вы хотите узнать того, кого не

знаете?

В н у к. Мы ведь не можем его знать, если сперва не узнаем. Это совсем просто.

О к у л и с т. Но почему именно какого-то Сидора?

В н у к. А вы хотите стрелять всех подряд? Вы садист!

Должна же быть какая-то справедливость.

О к у л и с т. Но почему нужно вообще в кого-то стрелять?

В н у к. Вы же сами признали, что Дедушка должен стрелять.

У старости свои права.

О к у л и с т. Но можно ведь стрелять в мишень, в воздух, наконец, в птичек...

В н у к. Куда?

О к у л и с т. В птичек, в мишень...

В н у к. Кому?

О к у л и с т. Что значит: кому?

В н у к. Я спрашиваю, кто должен стрелять в мишень?

О к у л и с т. Ну, дедушка.

В н у к /недоверчиво/. Дедушка?

О к у л и с т. Да, дедушка.

В н у к. Вы его не знаете.

О к у л и с т. Ну тогда вообще надо отобрать у него оружие

В н у к /с еще большим недоверием/. У кого?

О к у л и с т /менее уверенно/. У дедушки.

В н у к /с удивлением/. У дедушки?!

О к у л и с т. Ну да, я думал...

В н у к. Дедушка, слышишь?

Д е д у ш к а /на миг прерывая свои поиски, прикладывает ладонь к уху/. Ась?

В н у к. Он говорит, у дедушки надо отобрать ружье.

Д е д у ш к а /снимает ружье с плеча/. Где он?

В н у к. Здесь, около стула. Задержать его?

О к у л и с т /постепенно переходя на другую сторону сцены/. В конце концов, это ваше личное дело, я не вмешиваюсь.

В н у к. Вы рассуждаете правильно. Ружье заряжено уже двадцать лет, дальше так продолжаться не может. Дальше так нельзя.

О к у л и с т. А почему нельзя?

В н у к. Спросите у дедушки. Дедушка, вот он...

О к у л и с т /перебивая его/. Нет, нет... Раз нельзя, так нельзя. По-видимому, нельзя.

В н у к. Но поспорить можно. Дедушка, вот он...

О к у л и с т /опять перебивая его/. Не надо, верю на слово. В конце концов, если есть ружье...

В н у к. Вот именно. Надо стрелять. До дедушки стрелял его отец, мой прадед, а еще раньше отец отца моего отца. Всегда все стреляли.

О к у л и с т. Гм, да... учитывая это, может, мы приступим к осмотру вашего дедушки.

В н у к. Вы говорите, как свой человек... Дедушка, подойди-ка сюда поближе. /Дедушка приближается к нему/.

О к у л и с т. Будьте любезны, займите место. /Дедушка садится на указанный стул, забрасывая ружье опять за плечо/.

В н у к. Дедушка, слушай доктора. Шиф-паф будет потом.

О к у л и с т. А это мы можем положить вот там, на время. /Неуверенно дотрагивается до ружья. Дедушка внезапно встрепнулся/. Не хотите? Хорошо, хорошо, как вам удобней.

В н у к. Дедушка никогда не расстаётся с ружьем. Чистит его каждый день. Мы в семье знаем свое дело.

О к у л и с т /подходя к листу с буквами, указывая рукой на самые мелкие буквы/. Вы можете это прочесть?

Д е д у ш к а /увлеченный мечтами/. Ха! Уж я-то видел, как отец-покойник всади́л ему полфунта дроби в самое брюхо. С 60 шагов, аж крикнул.

О к у л и с т. Будьте добры, сосредоточьтесь... Ну как, вам трудно прочесть эти буквы?

Д е д у ш к а /после долгого размышления/. Э, да что я говорю, с 60. С 50 шагов.

В н у к. Потом, дедушка, потом. Сейчас надо слушать, что говорит доктор.

О к у л и с т. Ну еще раз. Можете прочесть это?

Д е д у ш к а. Иии... Нет.

О к у л и с т. А это?

Д е д у ш к а. Тоже нет. Где Сидор?

Внук. Дедушка, надо потерпеть. Слушай доктора, а то не выйдет бум-бум в Сидора.

Дедушка. Уж я ему покажу.

Окулист. А это?

Дедушка. Э, нет.

Окулист /успокаивающе/. Состояние еще не безнадежное. Посмотрим дальше. А это как?

Дедушка. А по мне лучше пулей. Что там хрюхит дробь!

Окулист. А это?

Дедушка. Э, доктор, вот это, пожалуй.... Тоже нет.

Окулист. Гм.... Падение зрения, действительно, серьезное. Попробуем еще это. Можете прочесть?

Дедушка. Я ведь без очков.

Окулист /Внуку/. Постараемся помочь. А можно узнать, при каких обстоятельствах дедушка потерял остроту зрения?

Внук. От высматривания. Дедушка всегда высматривал, не идет ли враг. А у нас, знаете ли, окна грязные.

Окулист. Да, это утомляет зрение.

Внук. Сколько раз ему говорили: подожди, дед, со своими высматриваниями до пасхи, когда окна вымоют. Но ему надо было срочно. Даже во сне высматривал. Такой уж он у нас.

Окулист. Вернемся к больному. /Показывая на ряд самых крупных букв/. А это?

Дедушка. Что?

Окулист. Ну прочитайте!

Дедушка. Прочитать?

Окулист. Да..

Дедушка. Нет.

Окулист. Минутку. /Вытаскивает из-под кушетки рулон белой бумаги. Разворачивает его и укрепляет на стене. На бумаге напечатана черной краской одна единственная буква А огромной величины, едва не с человеческий рост/. А теперь?

Дедушка. Есть хочется.

Окулист. Я не о том. Можете теперь прочитать?

Дедушка. Э, откуда ж!

Окулист /вынимает из шкафа коробку с очками, примеряет дедушке первую пару. Следующий эпизод играется в быстром темпе/. А теперь?

Дедушка. Нет.

Окулист /дает другие очки/. А теперь?

Дедушка. Нет.

Окулист /новые очки/. А теперь?

Дедушка. Нет.

Окулист /новые очки/. А теперь?

Дедушка /хихикая/. Нет.

Окулист /новые очки/. А теперь?

Дедушка /все больше хохоча/. Нет.

Окулист /нервная, берет Дедушку за ворот и подводит его к листу с большой буквой А/. А теперь?

Дедушка /заливаясь смехом/. О, муки!

Окулист. Чего вы смеетесь, какого черта?!

Дедушка. Потому как щекотно.

Окулист /снимает у Дедушки последние очки, разводя руками, Внуку/. К сожалению, боюсь, ничем не помо-
жешь.

Внук. То есть как?

Окулист. Какой-то уникальный случай.

Внук. Вы, доктор, не умеете к нему подход найти. Дедушка вообще не умеет читать.

Окулист. Вы хотите сказать, он неграмотный?

Внук. Просту без личных выпадов. Вы грамотный, что ж из этого? Разве мы вас боимся?! Нет, это вы нас боитесь.

Окулист. Да, что вы, я не это имел ввиду.

Внук. А что?

Окулист. Просто я хотел установить... установить, принадлежит ли чтение к кругу занятий ваших предков, начиная с самых корней генеалогического древа.

Внук. Послушайте, вы забываетесь. Может, это ваш дедушка был гинекологическим предком, но не мой. В нашей семье никогда не было венерических заболеваний! Исключительно раны из огнестрельного оружия.

Окулист. Вы путаете понятия. Впрочем, я хотел всего лишь узнать, читает ли ваш дедушка, по-просту читает ли, обыкновенно читает ли.

Внук /с достоинством/. Знайте же, ни мой дедушка, ни я никогда ничего не читаем. Ясно? /Указывает на огромную букву А/. А вы хотели заставить бедного страда читать, изнурить его умственно, замутить ему голову, да?

Окулист /оправдываясь/. Что вы, но как ни говорите, такие лозунги, как просвещение для народа... /Тем временем дедушка снова начинает свои поиски/.

Внук. У меня есть мысль.

Окулист. О, я не сомневаюсь.

Внук. Покажите-ка.

Окулист. Что показать?

Внук. Не будьте ребенком. /Делая шаг к доктору/. Дайте-ка это.

Окулист /отступая/. Не понимаю.

Внук. Покажите-ка свои очки.

Окулист /пытаясь все превратить в шутку/. Ха! Ха! Ха! А вы шутник. Понимаю, в школе мы тоже любили пошалить. Помню, как-то раз учителю математики подложили кнопки, что было...

Внук. Что вы дурачите меня? Я же говорю ясно: снять очки! Ну!

Окулист /застывая/. Прошу простить меня за такое поведение. Мои очки— это моя личная собственность.

Внук. Мы вам покажем личную собственность. Дедушка!

Окулист /испугавшись/. Нет, нет, не надо!

Внук. Ну?

Окулист. Не нужно раздражать старика. Возбужденный, он может забиться, вспылить не к месту... Это совершенно ясно.

Внук. Я свое сказал.

Окулист. В конце концов, я могу одолжить на минутку. Но только на минутку. Без очков я совсем слепой, почти ничего не вижу.

Внук. Хорошо, хорошо, это не важно. /Окулист снимает

очки и дает их внуку. Тот вертит их некоторое время в руках и рассматривает их/. Отличные.

О к у л и с т. Цейссовские.

В н у к. Попробуем?

О к у л и с т /сняв очки, он становится беззащитным, движения неуверенные, каждую минуту делает шаг, другой в разных направлениях, но неуверенно, как человек, убедившийся в том, что избрал не то направление/.
Это мои очки!

В н у к. Дедусь! Сюда! Сюда!

Д е д у ш к а /который снова пустился было в свои поиски, снял двустовку с плеча и держа ее наготове, заглядывает в углы, — срывается и со старческой суетливостью, затрусил, побежал к внуку/. Где? Где? Тут? Тут?

В н у к. Дедушка, успокойся. Померим эти очки.

Д е д у ш к а. А то у меня сердце уже забило... Как колокол!

В н у к. Стань, дед, нормально. Вот так, надо за уши, как у доктора. /Отступает на шаг/. Ну что на это, дедушка, скажешь?

Д е д у ш к а /теряя свою лихорадочную суетливость, делается серьезным, оглядывается вокруг с раздумьем и удивлением/. Хорошо, хорошо.

В н у к /возбужденный/. Ну как? Хорошо, — говорит дедушка?

Д е д у ш к а /обретая то, что потерял доктор, уверенность движений, зоркость зрения. С возрастающим удовлетворением в голосе/. Хорошо!

О к у л и с т. Вы, действительно, видите лучше?

Д е д у ш к а /зорко присматриваясь к нему/. Кто это?

В н у к. Это доктор.

Д е д у ш к а /не спуская глаз с доктора/. Доктор?..

О к у л и с т. Доктор... медицины.

В н у к. Доктор, а простому деду не мог очки подобрать.

О к у л и с т /оправдываясь/. Это какой-то поразительный случай. Я никогда не предполагал бы...

Д е д у ш к а /по-прежнему не спуская глаз с доктора, подходит ближе/. Мне что-то видится...

В н у к. Это у нас семейное.

О к у л и с т. /нервно причесываясь, поправляя костюм/. Я очень рад, что к вам вернулась острота зрения. Очень рад.

В н у к. Дедушка что-нибудь.... /Пауза/.

Д е д у ш к а. /пытаясь, продолжая всматриваться внимательно в доктора, дает знак рукой Внуку, чтобы тот подошел/. Сдается мне....

В н у к. /подбегая/. Дедушка что-то заметил?

О к у л и с т. /внезапно срывается с места, ходит по комнате, нервно жестикулируя/. Для настоящего ученого нет большей радости, чем эта: быть свидетелем триумфа собственных методов. Организация слепых сил природы, обуздание свободной игры стихий— это действительно единственная в своем роде награда. Можно ли просить вернуть мне очки? Я тоже близорук, и голова у меня начинает болеть.... Впрочем, и для вас ношение чужих очков может, в конце концов, оказаться вредным. /Приостанавливается в хождении, желая подслушать, что говорит Дедушка и Внук/.

Д е д у ш к а. Там что-то словно....

В н у к. /возбужденный/. Что, дедусь, что? /Дедушка многозначительно показывает пальцем на подслушивающего Окулиста. Тот замечает, что его маневр раскрыт и снова начинает расхаживать по комнате, прикидываясь, будто очень занят изложением своих взглядов на науку/.

О к у л и с т. Только в современном обществе люди науки обрели достойное их уважение. Не забывайте, что наш авторитет неизмеримо вырос со времен Парацельса. Это мы прокладываем новые пути человеческому роду. Прошу немедленно вернуть мне очки! /Дедушка наклоняется к уху внука и что-то шепчет ему/.

В н у к. Не может быть! /Дедушка снова что-то шепчет ему/. Дедушка уверен в этом?

Д е д у ш к а. Хо, хо!

О к у л и с т. Кто в состоянии предвидеть, какие изобре-

тения еще преобразуют нашу жизнь? В каком направлении будут развиваться отдельные отрасли знания? В основе этих постижений лежит мышление: это свойство, которое даже необразованного человека ставит выше животного. И во главе этого великого марша народов, этой процессии, которая неумолимо шествует сквозь историю природы, во главе этого крестового похода разума в страну хаоса и случайностей, идут жрецы науки, идем мы, подлинники полководцы армии, имя которой человечество. Прошу извинить, мне надо выйти на минуту. /Во время этой речи Окулист маневрировал по сцене так, чтобы оказаться как можно ближе к дверям. В это время Внук отрезал ему дорогу к выходу/.

В н у к. Что это вы вдруг так побледнели? /Минуту они стоят молча друг против друга/.

О к у л и с т. Я побледнел? Странно.

В н у к. Как стена. Или, точнее говоря, -ха!ха!- как труп.

О к у л и с т. Это метафора.

В н у к. Может быть. Мы неученные. Мы стреляем.

О к у л и с т. Где двери? Плохо видно... В глазах такой туман... Мне надо выйти. Вы сами сказали, что я побледнел.

В н у к. О, это нам не мешает. Я хотел бы задать вам несколько вопросов.

О к у л и с т. Но я не готов к этому. А впрочем, в чем дело?

В н у к. Вернее... в ком, вы хотели спросить.

О к у л и с т. Я никого не знаю, я ни в чем не участвовал, у меня нет никаких адресов. Мне нечего сказать вам.

В н у к. А если я хорошенько попрошу.

О к у л и с т. Что вы хотите знать!

В н у к. Почему вы хотели, чтобы дедушка стрелял в мишень или в птичек?

О к у л и с т. Во имя гуманизма и сохранения моральных принципов человеческого общежития.

В н у к. А почему хотели отобрать у дедушки оружие?

О к у л и с т. Я думал... я думал, что это может стать опасным и потому...

В н у к. Опасным? Для кого?

О к у л и с т. Как-ни-как, пожилой человек, безусловно почтенный, но уставший от жизни, собой уж не так владеет, впрочем, может, я и не прав...

В н у к. Я спрашиваю, для кого опасно?

О к у л и с т. Ну, вообще. Для всех.

В н у к. Для всех? Посмотрите на меня. Разве я боюсь этой опасности? Нет. А хотите знать, почему?

О к у л и с т. Да кто вас знает... Может, не хватает воображения.

В н у к. Я не боюсь, потому что я не... Вы знаете, я не кто... Ну? С...С... ну, смелей!

О к у л и с т /запинаясь/ С... С...

В н у к. Ну, Си, Си, Сидо...

О к у л и с т. Сидо...

В н у к. Сидор...rrr.

О к у л и с т. Не Сидор.

В н у к. Вот видите /Пауза/.

О к у л и с т /как бы самому себе/. Нет, это было смешно.

В н у к. Ни один простой, порядочный человек в мире ничего не имеет против того, чтобы дедушка стрелял. Те, у кого чистая совесть, могут спать спокойно. Но Сидор! О! Он трясется от страха. И правильно. Потому что он знает, что мы узнаем его всюду. К тому же теперь, когда у дедушки есть такие очки!

О к у л и с т /истерично/. Почему вы не разрешаете мне выйти? Это недемократично!

В н у к. Ну что вы! В этот миг миллионы простых, мирных людей во всем мире входят и выходят, когда захотят. В любые двери, будь то обычные, на петлях, выдвигаемые или вертящиеся, железные или бамбуковые, наконец, просто портьеры— шорох и шелест этих дверей раздается непрерывно, свободно и радостно. Только не для вас, только не для вас эти веселые звуки. Разве это наша вина?

О к у л и с т. Что вы имеете против меня?

В н у к. Вы — Сидор.

О к у л и с т. Нет.

В н у к. А кто протестовал, когда я сказал, что ружье уже заряжено двадцать лет и что такое положение не может продолжаться дольше? Кто хотел заставить деда читать?

О к у л и с т. Вздор!

В н у к. Кто не хотел дать очки больному старику? Вы — Сидор!

О к у л и с т. Нет!... Клянусь! /Лихорадочно шаря по карманам/. У меня есть паспорт, сейчас предъявлю.

В н у к. Паспорт ничего не значит. Дедушка узнал тебя, Сидор!

О к у л и с т. Дедушка может ошибаться!

В н у к. Дедусь! Начинаем! /Дедушка наводит ружье/.

О к у л и с т. Послушайте, подождите, это какая-то ошибка, трагическое недоразумение, я не утверждаю, что Сидор не виновен. Наоборот, это безусловно исключительно гнусный тип, но почему именно я? Пусть дедушка оглянется кругом, проанализирует. Меня вы всегда возьмете. Я принимаю по четным дням с двух до шести. Я у вас как в банке. А пока стоит оглядеться. Стоит, клянусь богом. А что если настоящий Сидор сидит где-нибудь в тепле, пьет молоко и смеется над вами в кулак. Разве такая мысль не пришла вам в голову?

В н у к. А это факт. Впрочем, может быть, Сидор не один на свете. Двое, трое? Дедусь, как трахнем этого, пойдем дальше искать, на всякий случай.

О к у л и с т. Двое, трое? Десять, сто, все могут быть Сидорами, все только не я. А вы теряете тут столько времени именно на меня, в то время, как они гуляют на свободе.

В н у к. Дедусь, а это мысль. Кто сказал, что Сидор один? Дедусь, есть патроны?

Д е д у ш к а. Хо, хо, хватит для всех!

В н у к /потирая руки/. Верно, верно. /Подбегает к дедушке и от радости обнимает его/. Это мысль, деда,

уж мы постреляем, то-то будет.

Окулист. Да, стрелять, только не в меня во всяком случае.

Внук. Я думаю, мы его сначала дробью, а потом пулей.

Дедушка. Идет!

Окулист. Нет, нет! /Бросается на пол и на четвереньках бежит к дивану, забирается под него, голос его теперь раздается из-под дивана. Дед и Внук наклоняются, чтобы достать его там/. На меня лучше не обращать внимания. Я вовсе не против стрельбы. Стрельба очень полезна для легких, это прекрасный спорт. Не в мишень, не в каких-то там птичек, настоящий мужчина не делает таких глупостей, я все понимаю, я за это. Вообще я удивляюсь, почему у дедушки только одно ружье и только с двумя пулями. Если б у него было восемь ружей, и у каждого по три дула, это все равно было бы не слишком много. Что тут говорить, это его дело. Но подождите, послушайте меня!

Дедушка /падая на четвереньки с ружьем, направленным под диван/. Темно, холера.

Внук. Может отодвинуть диван?

Окулист. Мне ничего не надо! Я даже не требую этих очков, будьте любезны, пусть они остаются у дедушки. Но я хочу справедливости, я требую справедливости. Не меня, но Сидора!

Дедушка. Посвети-ка мне спичкой, а я его трахну.

/Внук зажигает спичку и приближается к кушетке. Появляется голова Окулиста, который дует, гасит спичку и прячется под кушетку снова/.

Окулист. Подождите! Именно в силу этого я позволю себе издать клич: да здравствует стрельба! Но я не могу согласиться с тем, чтобы прекрасная и благородная идея стрельбы была бы извращена роковой ошибкой стрелков. Послушайте, я не тот, в кого нужно стрелять.

Дедушка. Что ж делать, пальну в темноту.

Внук /отодвигаясь в сторону/. Дедушка, целься лучше в центр.

Д е д у ш к а. Он там. /Наклоняется и целится. Пауза.

Из-под кушетки проявляется рука Окулиста, в которой развевается белый платок/.

В н у к. Отлично. Значит, выйдет сейчас.

Д е д у ш к а /вздыхая/. Ох, эта молодежь.

О к у л и с т /вылезает из-под дивана. Становится против деда и внука/. Ладно. Все расскажу.

В н у к. Ну?

О к у л и с т. Он должен прийти сюда.

В н у к. Кто?

О к у л и с т. Сидор. Настоящий Сидор.

В н у к. Когда?

О к у л и с т. В любой момент. Он уже должен быть здесь.

Д е д у ш к а /внуку/. Стрелять?

В н у к. Сейчас, дедусь. /Окулисту/. А как вы докажете, что тот, кто придет, больший Сидор, чем вы?

О к у л и с т. Потому что он говорил о вас такое...

В н у к. Что именно?

О к у л и с т. Всякое.

В н у к. Что это значит?

О к у л и с т. Мне повторить?

В н у к. Да.

О к у л и с т. Он говорил, что вы убийцы.

В н у к. Так и говорил? А еще что?

О к у л и с т. Что ваш дедушка - кровожадный старый креп-тин и...

В н у к. Что?

О к у л и с т. Я только повторяю. А о вас говорил, что, будучи редким болваном и дегенератом, вы- достойный отирыск вашей семьи. Говорить дальше?

В н у к. Все подряд.

О к у л и с т. Он говорил, что самый факт вашего существования- это достаточное доказательство нелепости и зла мира, столь полное доказательство, что быть убитым, хотя бы и вами, это великое облегчение и превосходный способ не разделять больше с вами того, что свойственно людям.

В н у к. Дедушка, слышишь?

Д е д у ш к а. Сидор. Я словно его слышал! Это Сидор!

В н у к. Что еще?

О к у л и с т. А еще он говорил... Но я не знаю, правда ли, что вы... Нет, этого немислимо произнести...

В н у к. Приказываю ничего не скрывать!

О к у л и с т. А если я в самом деле не в силах?

В н у к. Немедленно говорите! Он мне все равно за это заплатит.

О к у л и с т. Он говорил, что у вас... что вы рыгаете.
/Пауза/.

В н у к. Негодяй! А почему вы только теперь говорите все это?

О к у л и с т. Потому что я презрел. Признаюсь, до вашего прихода идея охоты за Сидором была мне чужда. Но в ходе дискуссии у меня открылись глаза. Я не Сидор, вы мне не поверили, что же делать. Но я не вынесу мысли, что я сгнию, а настоящий Сидор будет разгуживать по свету и смеяться над вами. Ибо, где взять уверенность, что если вы ошиблись один раз, приняв меня за Сидора, то не совершите еще обратной ошибки и не примете Сидора за меня, то есть за невиновного. Речь идет не столько о моей жизни, сколько о справедливости. Вы сами сказали, что должна же существовать какая-то справедливость, что нельзя стрелять в первого встречного. И вот, когда я лежал под диваном, я подумал: боже мой, как жаль, что они, вместо того, чтобы отдыхать, преследуют Сидора, и не знают, что их старания напрасны, — в это время во мне родился бунт, я сломал в себе остатки моей старой лживой морали и решил все сказать.

В н у к. Послушайте-ка. То, что вы — Сидор, это другое дело. Дедушка узнал вас, а дедушка не может ошибаться. Но то, что Сидоров может быть больше, чем один, это истина. Подождем здесь. Если он не придет, пристукнем вас и уйдем. Если придет — пристукнем его, а потом посмотрим. Не исключено, что вы знаете всю организацию. Но зачем, зачем он приходил сюда? Зачем?

О к у л и с т. Это мой больной. Как и вы.

В н у к. Дедусь, устроим ему засаду. /Внук ставит стул против двери. Дед становится на колени за стулом с ружьем, нацеленным на дверь. Внук в глубине сцены, за шкафом. Окулист, совершенно измученный, садится на диван и вытирает лоб платком. Лицо прячет в ладони. После того, как Дед занимает свою позицию, начинается ожидание. На сцене слегка темнеет/.

В н у к. Что-то его нет.

О к у л и с т. Это уже немолодой человек. Он ходит медленно. /Пауза, тихо/.

В н у к. Должен бы уже прийти.

О к у л и с т. Придет, наверняка придет. Всегда приходил во-время. Воспитанный человек. /Пауза, тихо/.

В н у к. Мне здесь что-то не нравится.

О к у л и с т. Почему? Погода сегодня прекрасная... Такой красивый закат.

Д е д у ш к а. Надоело.

О к у л и с т. Может, почитать что-нибудь? /Не дожидаясь ответа, открывает книгу и читает, держа книгу очень близко к глазам/. "...путешественник, который попадает в долину с севера-востока, встречает прекрасный ландшафт. Склоны, покрытые виноградниками, сулят, что не только чистота воздуха и яркость самых разнообразных цветов составят тот пир, которым эта местность встретит пришельца. Воистину, не только наслаждения воздуха в изобилии ожидают здесь всякого, чья душа открыта для красоты и добра. Здешние жители, хоть и среднего роста, но хорошо сложены..."

В н у к. Хватит! ..

О к у л и с т. Как вам угодно. /Закрывает книгу/.

В н у к. Долго нам еще ждать?

О к у л и с т. В ожидании вся прелесть охоты. /Заговаривая его/. Может, кофе заварить?

В н у к. Не надо. Мы не пьем кофий. /Пауза, тихо/. /Окулист застывает, вдруг срывается с места и начинает красться по комнате. Продолжает темнеть, едва заметно/.

В н у к. Что там?

О к у л и с т. Муха. /Окулист делает характерное движение рукой, хлопает ладонью, тихо крадась предварительно. Но муха все улетает/.

В н у к /с интересом/. Готово?

О к у л и с т. Улетела. Вон, там. /Пауза. Дедушка перестает всматриваться в двери, невольно втянутый в охоту за мухой/.

В н у к. Ну-ка, обманите ее.

Долгая пауза, во время которой Окулист исполняет свою пантомиму. Он увлечен, сосредоточен, абсолютно сконцентрирован на погоне за мухой. Попеременно он то крадется, то бросается вперед. Поскольку у него нет очков, он управляется слухом. Муха садится на ружье Деда, который по-прежнему стоя на коленях, одним движением головы следит за охотой. Внук, выглядывая из-за шкафа, наблюдает сцену с напряженным вниманием. Окулист приближается и застывает перед ним. Это момент высшего напряжения. Потом Окулист делает внезапно движение рукой вдоль ствола и застывает с сомкнутым кулаком. Окулист смотрит то на Деда, то на Внука, потом очень медленно разжимает ладонь и говорит: "УЛЕТЕЛА". Раздаются шаги за дверями, постепенно приближаясь. Становится еще темнее.

В н у к /торжествующе/. Идет!

Д е д у ш к а /издает нечто вроде радостного возгласа/.

Э-эх, уу-ууу.

Окулист в отчаянии бросается на кушетку, закрывает себе лицо подушкой.

В н у к /с возбуждением/. Ай да дед!

Д е д у ш к а. Как мой отец.

В н у к.как деда дед.

В н у к. В бой! В бой! /Раздается стук в дверь. Дед вопросительно Внуку/. Ну как?

В н у к. Минутку. /Вынимает из-за пазухи трубу и играет на ней несколько звуков бодрого сигнала. Стук повторяется/. Войдите.

Двери медленно открываются. Дед стреляет из обоих стволов. Тихо.

В н у к /выбегая из-за угла у шкафа, заглядывает за дверь, которая остается открытой/. Попа!л

Д е д у ш к а /медленно кладет ружье и распрямляет плечи/. Ну, полегчало мне.

В н у к /зевает во весь рот/. Самое время было.

Д е д у ш к а /показывая на Окулиста, который все еще лежит неподвижно, закрывшись подушкой/. Что с ним?

О к у л и с т. Мои очки!

Д е д у ш к а. Словно камень с сердца упал.

В н у к. Ну, дедуш, мир не так уж плох.

О к у л и с т /медленно садясь на диван/. Готово?

В н у к /хлопая его по плечу/. Вы были правы. Он лежит там.

О к у л и с т /словно во сне/. Да, да... Ну, а как дедушке

В н у к. Дедушка еще никогда не был в таком хорошем настроении. Вы его вылечили, доктор. Ему нужен был Сидор.

О к у л и с т /все еще словно во сне/. Я очень рад, я очень рад.

В н у к. Ну, мы пойдем потихоньку. Дедушка должен еще зарядить ружье.

О к у л и с т. Опять?

В н у к. Мы еще зайдем к вам. /Пауза/.

О к у л и с т. Значит... значит, вы будете опять утруждаться.

В н у к. Что я делать. Ведь может случиться так, что опять к вам придет какой-нибудь Сидор, а если даже и нет...

О к у л и с т. А я-то думал...

В н у к. Вы думали, что мы уже не придем, да? Ну, нет. Бояться нечего. Снаряжение есть, очки есть, было бы только здоровье.

О к у л и с т. Когда мне ожидать вас снова?

В н у к /шутливо грозя пальцем/. Ну, ну! нельзя быть таким любознательным. Мы можем придти завтра, можем через два дня, а можем через десять минут. Как у нас говорится, надо ль время выбирать, чтобы в Сидора стрелять.

О к у л и с т /не хочет сидеть на кушетке, подпирает голову руками/. Так значит - снова?

В н у к. Ну, дедусь, ружьишко на плечо, и шагом марш. Сколько мы вам должны?

О к у л и с т. Пустяки. Запишем как профилактический осмотр.

В н у к /дает листок бумаги/. Вот наш телефон. Если что...

Д е д у ш к а. Ну, бывай, малый, бывай. Послушай совет старика: на горячее плевать, на холодное дышать, ну а Сидора...

В н у к /с нетерпением/. Идем, дед, идем. /Уходят. Внук пропускает вперед деда и возвращается от дверей к Окулисту/. Если вы узнаете еще о ком-нибудь...

О к у л и с т. Тогда что? /Пауза. Смотрят друг на друга/.

В н у к. Мы еще придем сюда. /Выходит, но задерживается в дверях и говорит самому себе, смотря на то, что лежит за дверью на полу/. А говоришь, что я рыгаю! /Окончательно уходит/.

Окулист сидит все это время как прежде. Значительно потемнело, но больше уже не темнеет. Потом он медленно встает, выходит и вытягивает в комнату беспомощную фигуру. Это должен быть обязательно манекен, но не живой актер, изображающий покойника. Кладет манекен на кушетку, складывает ему руки на груди, потом осматривает у него глаза, выворачивает их, по всем правилам окулистики/.

О к у л и с т. Это был и без того неизлечимый случай отпадения роговицы. Правда потрясение при выстреле могло ускорить течение болезни. Но кто может поручиться что завтра он не упал бы с лестницы, и роγοвица не отпала бы у него полностью. Так или иначе я мог

немного для него сделать. /Пауза/. Впрочем, он мог бы не придти. Он ведь не был записан. Я тоже рисковал. /Пауза/. Правда, я тоже близорук, но я еще живу. /Телефон зазвонил. Окулист снимает трубку/.
Слушаю! Да, слушаю вас... Да, да, будьте добры. От двух до шести... Когда вам угодно... В четыре? Хорошо, прошу вас, завтра в четыре. Не беспокойтесь, что-нибудь сделаем. Можно ли узнать фамилию? /Вынимает из кармана блокнот и карандаш, записывает/. Я запишу вас в очередь... слушаю. Есть. Ваше имя? Сидор. /Записывая имя, автоматически повторяет его/. Что?.. Нет, нет, нет... Сидор... Хорошо, до завтра, прошу вас. /Кладет трубку, отходит от телефона, смотрит на часы, поглядывает на двери, подслушивает у дверей, потом внезапно открывает их, чтобы проверить, не подслушивает ли кто, задумывается. Вдруг бежит к телефону и поспешно набирает номер/. Алло. Алло, кто говорит? Дедушка? Дедушка, это доктор. Да, доктор. Что значит "какой доктор"? /С умилением/. Дедуся не узнает меня. Дедуся не узнает своего доктора?.. Так вот, дедуся, завтра в четыре. Да, завтра в четыре. Он будет здесь. Кто? Что значит кто? Сидор. Разумеется. Ну пока! До завтра! Пока! /Пауза/. Окулист кладет трубку, подходит к кушетке, стаскивает с нее манекен, пихает его под кушетку, сам ложится, открывает книгу и начинает читать, как в начале/.

З а н а в е с

ПЛОТ

Действие происходит в одном акте и при одной декорации. Сцена изображает плот в открытом море. Трое, потерпевших крушение, в элегантных черных костюмах, белых рубашках. Старательно завязаны галстуки, из карманов пиджаков торчат белые ромбики носовых платочков. Сидят на трех стульях. Кроме стульев на плоту находится сундук.

Толстый. Я голоден.

Средний. Я бы тоже что-нибудь съел.

Малый. Разве запасы уже исчерпаны?

Толстый. Запасы исчерпаны полностью. Нет больше ни крошки.

Малый. Мне казалось, что есть еще немного телятины с горошком.

Толстый. Ничего не осталось!

Средний. Съедем что-нибудь!

Малый. Я тоже что-нибудь съел бы.

Толстый. "Что-нибудь"?.. Будьте реалистами. Вернее.

Средний. Мне уже все равно!

Малый. Вы сами сказали, что запасы кончились. Что же вы имели в виду?

Толстый. Мы должны съесть не что-нибудь, а кого-нибудь...

Средний /осматриваясь направо, налево, назад/. Не вижу...

Малый. Но я тоже не вижу здесь никого, кроме...

/Неожиданно обрывает фразу. Пауза/.

Толстый. Мы должны съесть кого-нибудь из нас.

Средний. Съедем!

Малый /услужливо присоединяясь/. Да! Да! Съедем!

Толстый. Господа! Не будьте детьми. Обращаю внимание, мы не можем все втроем кричать "съедем". В

этой ситуации кто-то из нас должен сказать: "Прошу вас. Будьте любезны, съешьте меня".

С р е д н и й. Кто?

М а л ы й. Кто?

Т о л с т ы й. Именно этот вопрос я и хотел задать вам.
/Наступает пауза, заполненная тревожным молчанием/.
Я вызываю к вашему чувству товарищества. К вашему хорошему воспитанию.

С р е д н и й /вдруг показывает наверх, словно чем-то заинтересовавшись/. Чайка, чайка летит!

М а л ы й. Может быть, мои слова покажутся жестокими, но я должен признаться в ужасном эгоизме. Я всегда был себялюбом. Еще в школе я всегда съедал второй завтрак сам, ни с кем не делился.

Т о л с т ы й. Скверно. Ну что ж. Бросим жребий.

М а л ы й. Это лучший выход.

Т о л с т ы й. Будем бросать жребий, согласно такому правилу: один из нас назовет какую-нибудь цифру. Потом следующий - любую другую. В конце я тоже назову вслух какую-нибудь цифру. Если сумма всех трех цифр будет нечетной - жребий падает на меня и я буду съеден. Но если сумма окажется четной, тогда будет съеден кто-то из вас.

С р е д н и й. Нет... Собственно, я противник азарта.

М а л ы й. А что если вы ошибаетесь?

Т о л с т ы й. Вы не доверяете мне? Ну ладно.

С р е д н и й. Лучше найдем другой выход. Мы ведь цивилизованные люди. Жеребьевка - это пережиток эпохи темноты.

М а л ы й. Обычный предрассудок.

Т о л с т ы й. Ну, хорошо. Мы можем организовать всеобщие выборы.

С р е д н и й. Неплохо придумано. /Толстому/. Согласны ли вы пойти вместе со мной к избирательной урне единым блоком? Это упростит компанию.

М а л ы й. Парламентаризм изжил себя...

Т о л с т ы й. Но другого пути нет. Если вы предпочитаете диктатуру, я охотно возьму власть в свои руки.

М а л ы й. Нет! Нет! Долой тиранию!

Т о л с т ы й. Итак, свободные выборы!

С р е д н и й. С тайным голосованием!

М а л ы й. Но без всяких блоков. Каждый агитирует сам за себя.

Т о л с т ы й /встает, открывает сундук и вынимает из него цилиндр/. Вот шляпа. Мы будем в нее бросать бюллетени с фамилией кандидата.

М а л ы й. Мне нечем писать.

С р е д н и й. Охотно одолжу вам.

Т о л с т ы й /вынимает вечную авторучку из кармана/. Вот перышко.

С р е д н и й /потирая руки/. К урнам? К урнам!

М а л ы й. Минутку. Если уж мы устраиваем выборы, как цивилизованные люди, то нельзя миновать этапа предвыборной пропаганды, которая во всем культурном мире предшествует выявлению избирателей.

Т о л с т ы й. Если вы настаиваете...

С р е д н и й. Давайте же агитировать, только быстро!

Т о л с т ы й /встает со стула и переходит на середину пола/. Открываем митинг. Кто первый на трибуну?

С р е д н и й /малому/. Может быть, вы?

М а л ы й. Лучше потом... Я никогда не был хорошим оратором.

Т о л с т ы й. Но ведь это ваш план.

С р е д н и й. Да, вы же внушили массам идеи политических митингов. Так начинайте же.

М а л ы й. Если вы непременно хотите... /Встает на стул как на трибуну. Двое остальных перед ним. Толстый вынимает из кармана транспорант на двух палках и дает один конец Среднему, они разворачивают транспорант над своими головами. На нем надпись: "Мы хотим есть!" / Гм-хм!.. Господа!

С р е д н и й /прерывает его/. Мы люди простые! Просту без лести.

Т о л с т ы й. Правильно! Долой сладкие словечки! Мы требуем суровой правды!

М а л ы й. Коллеги! Мы собрались здесь...

С р е д н и й /прерывает/. Короче! Короче!

Т о л с т ы й. Мы спешим на работу!

М а л ы й. Мы собрались здесь, чтоб решить жгучий вопрос о продовольственном снабжении. Коллеги, при выдвижении кандидатур меня не следует принимать во внимание. У меня жена и дети. Часто, при заходе солнца я сиживал в саду и качал детей, а жена вышивала, пока не стемнеет. Господа, коллеги! Вы же видите эту мирную, кроткую картину, разве она не трогает вас?

С р е д н и й. Это не аргумент. Когда дело идет об общем благе, личные чувства не играют роли. Дети могут раскачиваться сами.

Т о л с т ы й. Даже еще лучше.

С р е д н и й. Да, да, даже еще лучше! На детской площадке, на карусели, на качелях. Нет, дети— это не аргумент.

М а л ы й. Но коллеги! Когда я был еще мальчишкой, у меня были великоленные планы. Правда, я недостаточно работал над собой и не достиг того, что намечал. Но я чувствую, еще не поздно. Еще кое-что можно исправить; клянусь, я больше не буду опускаться, забывать о стремлении к цели. Да, у меня были надежды, это правда. Отсутствие веры в себя, лень, потеря надежды. Но я еще наверстаю, клянусь, наверстаю. Я буду тренировать волю, формировать характер, штурмовать науку, пока не постигну всего, что еще ждет меня. Я стану кем-нибудь.

С р е д н и й. Громче!

М а л ы й. Я стану кем-нибудь!

Т о л с т ы й. Это субъективизм.

С р е д н и й. Мы хотим есть!

Т о л с т ы й. Разрешите, вместе. Три-четыре.

Т о л с т ы й и С р е д н и й /скандируют/ Мы-хо-тим-есть!
Мы-хо-тим-есть!

М а л ы й /не выдерживая; чуть не плача/. Не советую, решительно не советую... /Сходит с трибуны/.

С р е д н и й /отдает ему свое древко транспоранта и сам вступает на трибуну/. Братья по столу! /Толстый бьет в ладоши. Малый присоединяется к аплодисментам, но неуверенно, потягивает носом/. Я ведь неученый и говорить много не люблю. Делать— это другое дело. С малых лет меня интересует кулинарное искусство. Не столько

сама еда, о нет! Я человек скромный, нетребовательный, и правду говоря, есть не люблю. Да, да, я удовлетворяюсь чем попало, но самое главное: я ем очень мало, самый минимум. Да, что я говорю! Я вообще ничего не ем. Еще пару лет назад, может, я и съедал кусочек другой, раз в два или три дня, но сейчас — нет! С едой я покончил раз и навсегда. Зато работа по приготовлению кушаний стала радостью моей жизни. Нет большего удовольствия для кулинара, чем приготовить трудное, хлопотливое блюдо и смотреть, как другие едят и как им нравится. Большой награды я не требую. Добавлю только, что моя специальность — мясные блюда. Мои соусы не имеют себе равных. Вот и все, что я хотел сказать.

Т о л с т ы й. Bravo! /Бьет в ладоши. Малый, в апатии, вообще не реагирует. Средний сходит с трибуны и становится на место Толстого, который теперь входит на трибуну/

С р е д н и й. Урра! /Толстый подбоченивается, минуту смотрит по сторонам, как будто вокруг него огромная толпа/

Т о л с т ы й /внезапно выбрасывает руку в фашистском приветствии/. Приветствую вас, хихикая голодные!

С р е д н и й /с восторгом/. Урра! Виват! Урааа!

Т о л с т ы й /останавливает его властным жестом/. Я буду говорить кратко, по-солдатски! Во-первых, я не хочу влиять на ваш выбор. Вы сами решите. Я только ваш слуга, и ваша воля для меня свята. Я буду есть то, что мне дадут. Во-вторых, не о чем тут разглагольствовать: я несъедобный, я всегда был жилистый, костлявый и худой. Во мне два железных ребра, у меня удалена печень, и одна нога короче другой. Кроме того, я не уверен относительно глистов. Что тут скрывать. В-третьих, я не хочу быть демагогом и люблю ясные ситуации: если вы меня не выберете, то другой возьмет бедро и филейные части. Мне же достаточно и язычка. Всем, кто будет иметь какие-нибудь претензии, я говорю твердо: от язычка мы не откажемся!

С р е д н и й. Bravo, bravo, веди, вожди!

Т о л с т ы й. Вот и все. Я не люблю болтовни, философов,

нителей... Вперед!

Средний. Урра! Браво! Бис! Виват! /Толстый сходит с трибуны, Малый и Средний свертывают транспорант.

Толстый /Малому/. Вы довольны?

Малый. Вы великолепны. Только я... лично я... не могу есть филейные части: мне нельзя... если бы для вас не составляло особой разницы...

Средний /становясь перед Толстым по стойке смирно/. Разрешите поздравить вас, ваша речь потрясла меня. Что касается язычка, я целиком на вашей стороне.

Толстый. Ну, предвыборная компания кончилась. Теперь голосуем. /Кладет цилиндр на середину плота. Все расходятся в разные стороны и пишут на листках, повернувшись спиной друг к другу. Толстый и Средний оглядываются на Малого. Толстый даже подходит к Малому и смотрит ему через плечо, но Малый замечает это во время и закрывает ладонью листок. Потом отдает перо Толстому/.

Малый. Премного благодарен.

Толстый. Пустяки. Если вы хотите еще что-нибудь исправить, рад служить вам. /Толстый уходит на другой угол плота, и теперь оба, Толстый и Средний, заполняют свои бюллетени. Малый все еще стоит, повернувшись к ним спиной, лицом к морю. Потом все разом поворачиваются, идут к центру плота и опускают листки в цилиндр/. Ну, подсчитаем голоса.

Средний. Очень интересно. Голосование обостряет аппетит.

Малый. Вы могли бы быть более тактичным. /Толстый кладет руку в цилиндр, затем поднимает голову и молча смотрит на Малого. Долгая пауза/. Что случилось?

Средний. Каковы итоги?

Толстый. Господа, мы должны считать выборы недействительными.

Средний. Как это? Я голоден.

Малый. Вы хотите прервать свободные, демократические выборы?

Толстый. В цилиндре четыре бюллетени. Четыре! /Толстый,

как и прежде, а теперь и Средний, уставились на Малого/.

М а л ы й /невинно/. Я же говорил, что парламентаризм изжил себя.

С р е д н и й. Что теперь будет?

Т о л с т ы й. Типичный кризис кабинета. Может мы применим принцип назначения кандидата?

М а л ы й. А кто будет назначать?

Т о л с т ы й. Охотно возьму на себя.

М а л ы й. Разумеется. Я так и думал. Нет! Не может быть и речи!

С р е д н и й. Гадкая история. Демократия не получилась, от диктатуры отказались. Надо что-то придумать.

Т о л с т ы й. В такую минуту спасти может только личность, полная беззаветного самопожертвования. Мы знаем, что добровольцы всегда спасали положение, когда отказывали обычные формы поведения... /Готовясь снова промэнести речь/. Дорогой, уважаемый коллега!..

М а л ы й. Нет, нет! Предупреждаю, я не буду слушать.

С р е д н и й. Слушайте же!

Т о л с т ы й. Уважаемый и дорогой коллега! Всем известно, что нельзя скрыть такие черты характера, как стремление к самопожертвованию, любовь к ближнему, солидарность. В первый же миг мы с коллегой заметили в вас нечто отличающее вас от нас, это нечто и есть врожденная благородность, неизменное желание служить общему делу, готовность... правда, коллега?

С р е д н и й /услужливо/. В жизни не встречал лучшего человека!

Т о л с т ы й. Мы счастливы, что, наконец, коллектив может ответить на ваше горячее желание и реализовать ваше тайное чистое стремление. Вы хотите остаться в нашей памяти оцененным по достоинству, личностью скромной, общительной, аппетитной...

М а л ы й. Не хочу.

С р е д н и й. Как, вы не хотите стать добровольцем?

М а л ы й. Нет.

Т о л с т ы й. Вы предали коллектив? Вы не оцените доверия

своих товарищей? Вы не хотите?

М а л ы й. Нет.

С р е д н и й. Это мерзко.

Т о л с т ы й. Вы решительно отказываетесь?

М а л ы й. Отказываюсь категорически. У меня нет призвания к величию.

С р е д н и й. С этой минуты можете не подавать мне руки. Я считал вас порядочным человеком, патриотом нашего плота, а вы оказались трусом. Прощайте! /Уходит на другую сторону плота и поворачивается спиной к Малому/.

Т о л с т ы й. Да, мы обманулись в вас. Честь для вас — ничто. Но, может, вы предложите хотя бы какой-нибудь выход? Слушаем вас!

М а л ы й /с растущей верой/. Выход? Пожалуйста! С детских лет я мечтал о всеобщей справедливости. Я требую всеобщей справедливости, ничего большего!

Т о л с т ы й. Вы меня поражаете!

М а л ы й. Почему?

Т о л с т ы й. На чем основана ваша уверенность, что справедливость не обернется против вас, то есть я хотел сказать, что она пойдет за вами и вступится за вашу кандидатуру?

М а л ы й. Но это совершенно просто. С детских лет я был несчастен, мне всегда не везло. Обстоятельства всегда оборачивались против меня, так что...

Т о л с т ы й. И вы считаете, что сейчас общая справедливость уравнивает ваши несчастья в прошлом?

М а л ы й. Да.

Т о л с т ы й. Удивительно, что на отсутствие всеобщей, общечеловеческой, всеобъемлющей справедливости жалуются прежде всего неудовлетворенные жизнью. Требуя справедливости, не хотят ли они просто оправдать свои неудачи?

М а л ы й. Я не отказываюсь. Я соглашаюсь на все, с условием, что решение будет справедливым.

Т о л с т ы й. То есть с условием, что вы не будете съедены?

М а л ы й. Это клевета, прежде всего я прошу справедливости.
Т о л с т ы й. Садитесь, господа. Это будет нелегко, но на-
до сделать.

С р е д н и й. Я с ним не разговариваю. /Все занимают места
как вначале/.

Т о л с т ы й /Среднему/. Коллега, у вас есть мать?

С р е д н и й /колеблясь/. Как бы это сказать... А у вас,
шеф?

Т о л с т ы й /вознося глаза к небу/. К сожалению, едва ли
не с рождения я круглый сирота. Ведине родители!

С р е д н и й /поспешно/. Именно это я и хотел сказать. По
правде говоря, у меня вообще не было родителей.

Т о л с т ы й /Малому/. А у вас?

М а л ы й. У меня есть мама. В этот миг она оплакивает меня
в своем одиночестве. Бедная мама!

Т о л с т ы й. Мне кажется, что с точки зрения справедливос-
ти дело обстоит совсем напротив. Разве могли бы вы с
легким сердцем обидеть сироту? Даже у диких народов
сиротство всегда считалось величайшим несчастьем. Нет,
дорогой мой, если кто-то из нас, сирот, будет съеден,
это расценится как нарушение элементарной справедли-
вости. Мало того, что сирота, да еще и съеден!

М а л ы й /в ослеплении/. Но!..

Т о л с т ы й. Нет, дорогой. Это ясно, как день. У вас есть
мама, вам всегда было лучше на свете, не думаете ли
вы, что пришло время оплатить этот моральный долг,
взятый вами у сирот, у тех, кто никогда не знал мате-
ринской ласки, домашнего уюта, достатка? Тем более,
что, как вы сами сказали, ваша мать и так уже оплаки-
вает вас.

М а л ы й /отчаянно ища аргументы/. Но, может быть, моя ма-
ма уже умерла. Последнее время она плохо себя чувство-
вала, а я уже так давно не был дома...

Т о л с т ы й. Вы говорите, как ребенок. Какие же могут
быть доказательства?

С р е д н и й. Ну, какие, а?

М а л ы й. Я ведь говорю, ей было нехорошо, когда я уезжал.

Последнее время столько говорят о болезнях при современной цивилизации...

Т о л с т ы й. Фантазия артиста, игра воображения. Ваша мать наверняка чувствует себя хорошо, дай бог ей долгие годы, тогда как наши родители... /Среднему/. Помните ли вы те долгие, осенние вечера, когда, еще детьми, босиком, мы продавали прохожим спички?

С р е д н и й /закрывая глаза ладонью/. Ах, не вспоминайте об этом, лучше все забыть.

Т о л с т ы й. А помните того дальнего родственника, скупца и деспота, который отбирал у нас, полуголых, последний кусок сала, чтобы сделать приманку для мышеловки?

С р е д н и й /стонет/. Призраки прошлого!

Т о л с т ы й /молча простирает беспомощные руки перед Малым, словно хочет сказать: сами видите, что нечего делать/.

М а л ы й. Извините, кажется, я слышу какой-то голос в открытом море. /Прислушивается/.

Т о л с т ы й. Вы меняете тему. Разумеется, человеческие несчастья не пробуждают в вас никаких чувств. Ах, эти эгоистически воспитанные маменькины сынки! /Слышен какой-то слабый голос/.

С р е д н и й /обвиняюще/. У него был мяч, когда он был маленьким.

Т о л с т ы й. Мяч и медведь. /Голос слышен значительно ближе/.

Г о л о с. Спасите! Помогите!

М а л ы й. И в самом деле! О, теперь ясно слышно!

Г о л о с. На помощь!

Т о л с т ы й. Действительно, кто-то плывет в нашу сторону...

Сиротам всегда ветер в лицо дует.

С р е д н и й /встает и смотрит на море/. Шеф, может это едой. Я хорошо вижу, как он гребет одной рукой, а другой держит какой-то предмет. /Толстый и Малый встают и приближаются к Среднему на край плота/.

М а л ы й. Да, да, не исключено. Мало ли случаев, когда

крестьянин, направляясь на рынок с поросенком, падает в воду? Плывая, он судорожно сжимает одной рукой поросенка, свое единственное добро...

Т о л с т ы й. Вон, я вижу его!

С р е д н и й. Это кто-то в мундире. Мундиры едят в казармах.

Г о л о с /совсем близко/. Помогите! /На море показывается почтальон в полном обмундировании, в фуражке, с кожаной сумкой, висящей на шее. Средний подает ему руку и вытаскивает его на плот/.

П о ч т а л ь о н. Сердечно благодарен.

Т о л с т ы й. Нет ли у вас чего-нибудь поесть?

П о ч т а л ь о н. Абсолютно ничего. Сам бы с охотой перекусил. Меня смыло еще до завтрака. /Заметил Малого/. А, это вы! Да ну, в самом деле, какое необыкновенное стечение обстоятельств!

Т о л с т ы й /подозрительно/. Вы знакомы?

П о ч т а л ь о н. Еще бы! Уже десять лет я ношу ему почту. Не знал, что вы в море. Но все превосходно, вам телеграмма.

М а л ы й. Телеграмма? Мне?

П о ч т а л ь о н. Да, как раз спешил с этой телеграммой к вашему домику над морем, когда меня смыло волной. К счастью, я недурно плаваю. /Ищет в сумке/. Вот она.

М а л ы й /уходит в сторону, чтобы вскрыть и прочесть телеграмму/. Извините меня.

Т о л с т ы й /с большим подозрением, к почтальону/. Этот мундир настоящий?

П о ч т а л ь о н. Настоящий, только мокрый. Понимаете, когда я упал в воду...

М а л ы й. Ура!

Т о л с т ы й. Что случилось?

М а л ы й /придя в себя/. Господа, меня постиг тяжелый удар. Моя мама умерла.

С р е д н и й. Вот тебе на!

М а л ы й. В этой связи обращаю ваше внимание, что я тоже сирота. Ввиду этого мы должны возобновить совещание и еще раз обсудить вопрос, кого из нас есть.

Т о л с т ы й. Я протестую. Здесь какой-то подвох! У вас, наверное, сговор с почтальоном.

П о ч т а л ь о н. Ям /с достоинством/. Вы оскорбляете служащего при исполнении служебных обязанностей!

Т о л с т ы й. Сколько вы заплатили ему? А может, вы друзья со школьной скамьи?

М а л ы й. Ваши обвинения необоснованы. Спросите почтальона, был ли я с ним в его вере.

Т о л с т ы й. Превосходно. Спросим. Если он ответит "да", если признается, мы съедем вас бесприкословно. Если будет возражать, съедем его.

П о ч т а л ь о н. Как же так? Человек только пришел, а тут сразу его хотят съесть? На что это похоже?

Т о л с т ы й. Вот именно. Вы вполне годитесь, вы еще абсолютно свежий.

С р е д н и й. Шеф! Лучше всего съедем их обоих. Одного — на жаркое, другого — на салат или на компот. А часть можно замариновать и оставить про запас. Или одно начинить другим. Роскошь.

М а л ы й /с надеждой/. А может, по крайней мере, почтальон — не сирота? Мы покинутые, бездомные... Надо его спросить.

Т о л с т ы й /размышляя о меню/. Нет, с того, другого, я предпочел бы сделать вино. Но какое бургундское может выйти из почтальона?

П о ч т а л ь о н /горячо соглашаясь/. Да, да вы правы. Для бургундского я не важен. Зато как почтальон и я на высоте.

М а л ы й /почтальону/. Если вы дадите ложные показания, что были в сговоре со мной, я пожалуюсь на вас в управление почты и телеграфа.

П о ч т а л ь о н. Пожалуйста, не бойтесь. За моими плечами тридцать лет безупречной службы.

Т о л с т ы й. Жаль времени. Были ли вы в сговоре с этим человеком? Да или нет? Если да, и известие о кончине матери вымышлено, вы получите почечки и кусочек грудинки. Если же это известие правдиво, тогда мы, трое сирот, съедем вас именно как почтальона. Почта — это

учреждение общественное, полезное и должно служить общему благу.

М а л ы й. Умоляю, не дайте сломить себя.

П о ч т а л ь о н. Не бойтесь, я честный почтальон старого закала. Меня не подкупить почками.

Т о л с т ы й. Мы можем пожертвовать вам коленко. Но предупреждаю, что на большее нас не хватит.

П о ч т а л ь о н. Нет, господа /показывая на воротник мундира/. Видите два ~~скрещенных~~ скрещенных рожка? Честь этих рожков для меня превыше всего. До свидания. /Пригает в воду/.

М а л ы й. Нет, нет, не уходите. Засвидетельствуйте только мою невинность. Оставайтесь. /Размахивает телеграммой/ Теперь вы сами видите, что с точки зрения справедливости наше положение одинаково. Все мы сироты.

Т о л с т ы й /равнодушно, Среднему/. Коллега, сервируйте стол, все в моем сундуке.

М а л ы й /отступая/. Как? Сирота сироту?

Т о л с т ы й. Вы забыли, что существует еще одна справедливость. Историческая справедливость.

М а л ы й. Как это понять?

С р е д н и й /тем временем открыл сундук/. Шеф, дуршлаг нужен?

Т о л с т ы й. То обстоятельство, что все мы потеряли родителей, не ставит нас в равное положение. Нужно еще рассмотреть вопрос, кто были наши родители?

М а л ы й. Боже! Да просто родители...

Т о л с т ы й. Ха! Ха! А кем был ваш отец?

С р е д н и й. Шеф, а лопаточка для торта?

М а л ы й. Мой отец? Чиновником. А что?

П о ч т а л ь о н /показываясь из моря, опирается на край плота/. Прошу извинить, я забыл квитанцию. Вы меня так заговорили этими разговорами насчет съедения человека человеком, что я совсем потерял голову.

М а л ы й. Где расписаться?

П о ч т а л ь о н. Вот здесь. /Малый подписывает квитанцию/

П о ч т а л ь о н. Такой кусок дороги пришлось возвращать. До свидания. /Отплывает/.

Т о л с т ы й. Итак, ваш отец был чиновником? Я так и думал. А знаете, кем был мой отец?

М а л ы й. Нет.

Т о л с т ы й. Простой неграмотный дровосек. А у моего коллеги и вовсе отца не было. Его мать зачала в результате тяжелых переживаний, вызванных нуждой. Так вот, ваш отец списывал бумагу на службе у аристократов, удобно усевшись в чистой теплой конторе... А мой отец рубил сосны, чтобы у вашего отца было на чем писать судебные повестки, посылаемые больной бедной матери моего коллеги, у которого вообще отца не было. Как вам не стыдно!

С р е д н и й /вынимает из сундука и раскладывает на плоту различные кухонные приборы, достает мясорубку и несколько раз крутит ручкой для пробы/.

М а л ы й /принимая навязанный ему ход мыслей и пытаюсь защищаться в пределах данной ему схемы/. Но я не имею ничего общего с этим!

Т о л с т ы й. Именно поэтому ту справедливость, которая сейчас велит нам съесть вас, мы называем исторической.

Г о л о с с м о р я. Граф! Граф!

Т о л с т ы й. Что там опять, черт побери! /Над плотом показывается голова старого лакея с седыми бакенбардами/.

Л а к е й. Граф, какое счастье, что я снова вижу вас!

Т о л с т ы й. Что это значит?

Л а к е й /растроганный до слез/. Вы не узнаете меня? Вы не узнаете своего старого Яна? Это ведь я учил графского сына ездить на пони, когда вы были еще ребенком.

Т о л с т ы й. Вон!

Л а к е й. Какое счастье, что мои старые глаза снова видят графа. Все во дворце так взволнованы! Когда пришло известие, что утонул тот корабль, на котором вы отплыли, я не мог больше выдержать. Где вы, там и я, какова судьба графа, такова и моя доля, — я прыгнул в море и плыл, пока не увидел — граф! Какое счастье!

Т о л с т ы й. Ян! Отпустите сейчас же плот и утоните!

Л а к е й. Слушаю вас. Какое счастье, какое счастье! /Исчезает/.

М а л ы й. Это добрый человек, не отпускайте его, позвольте ему... утонул.

Т о л с т ы й /тоном, словно ничего не произошло/. Итак, вы видите, что историческая справедливость...

М а л ы й /с волнением/. Да, я вижу! Вы жили во дворце, вы катались на пони.

Т о л с т ы й. Я? На пони? Мой отец не мог позволить себе даже клячи. Вы приписываете мне воспоминания собственного детства!

М а л ы й. Это вершина всего! Вы что, хотите сказать, что я, я ездил на пони?

Т о л с т ы й. Разумеется, вы сами сказали это только что.

М а л ы й. Нет, это переходит всякие границы. Категорически утверждаю, что никогда не имел ничего общего ни с каким пони.

Т о л с т ы й. А тем более я. Мой бедный отец не знал даже такого слова "пони". Он же был неграмотный.

С р е д н и й /всю сцену наблюдает, стоя над разложенными кухонными принадлежностями, со сковородкой в руке/. Бедный пони... Никто не хочет признаться. /Малому/. Не жаль вам зверя? Вы же ему обязаны самыми счастливыми минутами своего детства.

М а л ы й. Но этот лакей...

Т о л с т ы й. Какой лакей? /Среднему/. Коллега, разве вы видели здесь какого-нибудь лакея?

С р е д н и й. Я? Откуда?

Т о л с т ы й. Дорогой мой, с этой минуты я перестаю относиться к вам как к партнеру в дискуссии. У вас галлюцинации.

С р е д н и й. Сумасшедший!

Т о л с т ы й. И тем более, поскольку вы не отвечаете за свои действия, вами должны руководить люди, знающие, что они хотят. Вас необходимо изолировать от общества, и лучше всего это сделать, если вы будете съедены этим обществом. Коллега, прошу вас, накрывайте на стол.

Средний. Нужны ли чайные ложки?

Толстый. Разумеется. Нужен полный прибор. /Средний кладет маленькие ложки/.

Средний. Один или два ножа?

Толстый. Два. /Средний кладет ножи/.

Средний. Салфетки?

Толстый. Ну, а как же! Все должно быть образцово.

Ведь мы культурные люди. /Во время этого диалога Малый отступает в угол стола, тащит за собой один из стульев и прячется за ним. Средний расстилает в центре стола чистую белую скатерть и со знанием дела ставит два полных прибора. Толстый не обращает уже внимания на Малого. Он наблюдает за Средним, время от времени давая указания, куда и что положить. Накрытая скатерть становится все более изысканной. Малый наблюдает за ними, согнувшись за креслом/.

Малый /боязливо/. Послушайте...

Толстый /не обращая внимания/. Прибор сдвиньте чуть-чуть вправо.

Малый. Послушайте... Я чем-то отравился...

Толстый. Компотницу ближе к центру.

Малый. Честное слово. Я не хотел об этом говорить прежде, но мне стало жаль вас...

Толстый /поднимает одну вилку и осматривает ее/.
Вымыть.

Малый. Нет, нет, я не уклоняюсь, я только из чувства расположения. Я сам люблю хорошо покушать и знаю, как чревоугодие губит человека. Если бы я не был отравлен, я молчал бы, честное слово. Но сейчас это просто мой долг.

Толстый. Начинаем.

Средний. Да, шеф. /Вынимает из сундука большой кухонный нож и оселок, оба — натуральные, и начинает точить нож. При этом должен быть настоящий, неприятный, ритмический звук/.

Малый /пятась все дальше на самый край стола/. Я не утверждаю, что я неадекватен. Вы должны просто немного подождать, наверняка у меня пройдет. Полежу день-два и

отойду. Я лягу вот здесь, в уголке, чтоб не мешать вам. Как только мне станет лучше, я вам скажу сам. Я ведь не отказываюсь. /Средний ритмически точит нож. Толстый осматривает еще раз сервировку, качает головой, оценивает, подходит к сундуку и, вынув из него вазу, ставит цветы в вазу и помещает их в центр скатерти, потом отходит на несколько шагов в сторону и прищурившись, оценивает эффект. Только теперь доволен/.

М а л ы й /все менее уверенно/. Ну, может, дня два, да и то много. От силы день. Знаете пословицу: что должен съесть сегодня— съешь завтра. Хе-хе-хе. /Средний пробует острие ножа/... Ну, даже несколько часов хватит, даже часок.

Т о л с т ы й. Пора. /Средний делает шаг вперед к Малому/. М а л ы й /торопливо/. Хорошо, хорошо. Вы правы. Но можно дать вам один совет? Совершенно бескорыстно?

Т о л с т ы й. По какому поводу?

М а л ы й. Сугубо профессиональный, деликатный совет. Не считайте ли вы, что мне целесообразно вымыть ноги? /Средний вопросительно смотрит на Толстого/.

Т о л с т ы й. Действительно, я не подумал об этом. /Среднему/. Как ваше мнение?

С р е д н и й /колеблясь/. Не знаю. Будет потом на зубах скрежетать... Лучше пусть вымоет.

М а л ы й /поспешно подворачивает брызги/. О, верно, верно! Святые слова! Гигиена— основа здорового питания. /Чешет ногу/. Бактерии невидимы простым глазом, но чувствую, как чешется.

С р е д н и й. Правильно. Личная гигиена никому еще не повредила. Напротив, она обеспечивает личности здоровье и долголетие. Сейчас принесу полотенце. /Малый садится на край плота и опускает ноги в море. Моет их и полощет/.

М а л ы й. Итак, вы окончательно решили меня... того...

Т о л с т ы й. Мне кажется, это уже ясно.

М а л ы й. Вы что-то говорили сейчас о самопожертвовании...

Т о л с т ы й. Да, я говорил, что самопожертвование это прекрасная идея.

М а л ы й /жадно слушая/. Повторите еще раз.

Т о л с т ы й. Собственно, я уже определил проблему в целом. Самопожертвование, готовность отдать себя...

М а л ы й. Да, да, все это истина.

Т о л с т ы й /стоя над ним с полотенцем/. Вот видите? А вы не хотели мне верить.

М а л ы й. Я был тогда, по-видимому, еще неопытен, незрел... Но теперь я вижу, что в этом что-то есть.

Т о л с т ы й /поощрительно/. Еще ничего не потеряно.

М а л ы й. Я был низок, не принимая ваших доказательств.

Т о л с т ы й. Но, видимо, вы не доконца циник, если в вас начинают бурлить благородные чувства. Может, довольно левую?

М а л ы й. О, нет, еще между пальцами. Так вот, возвращаясь к делу, я должен сказать, что во мне пробуждается другой, лучший человек. Но, кстати, окончательно ли вы решили?

Т о л с т ы й /нетерпеливо/. Послушайте!

М а л ы й. Нет, нет! Разумеется! Так о чем это я говорил? А, другой, лучший человек. В конце концов, одно дело быть съеденным как обычная жертва насилия, и совершенно другое как иной, лучший человек, собственная самоотверженность которого... Иначе говоря, быть съеденным с собственными внутренними согласиями, вместе с благородными побуждениями. Но вы дайте мне слово, что решение уже принято?

Т о л с т ы й. Честное слово.

М а л ы й. А, ну ладно! Итак, о чем же я говорил? А, так вот, это дает удовлетворение, чувство свободы, волюности.

Т о л с т ы й. Наконец-то поумнели. /Среднему/. Коллега, дайте кусочек мыла.

М а л ы й /воодушевляясь/. Прошу не думать, что я только безвольное сырье. Это никому не нравится.

Т о л с т ы й. Можете быть уверены, что мы относимся к вам иначе. В наших желудках, то есть в нашей памяти, вы останетесь героем, мы сохраним ваш светлый бескорыстный образ. Я думаю, левую хватит уже.

М а л ы й /воодушевляясь все больше/. Разумеется, хватит.

Правая совершенно чистая. Прошу полотенце, и я выхожу.

Т о л с т ы й. О, нет, правую надо бы тоже немножко...

М а л ы й. Как вам угодно.

Т о л с т ы й. Я полагаю, так будет лучше.

М а л ы й. Да, я первый отважился на такой великий шаг, я первый решил отдать себя для блага других.

С р е д н и й /присматриваясь критически/. Надо бы немного соды.

Т о л с т ы й. От мыла тоже отходит. Мы подождем немного.

М а л ы й. Что? Подождать? Когда вы голодны? Ни за что! /Хочет встать. Толстый удерживает его/.

Т о л с т ы й. Еще правую и все.

М а л ы й. Сейчас, когда я прозрел, ноги не играют для меня никакой роли. Пусть будут грязные.

Т о л с т ы й /дает ему полотенце/. Полотенчико, и все в порядке. /Малый встает и направляется к центру пласта/.

М а л ы й. Спасибо вам, господа. Наконец-то я стал совершенным человеком. Я нашел в себе идеалы, которых мне не доставало. Спасибо.

Т о л с т ы й. Не стоит.

М а л ы й. У меня есть человеческое достоинство. В конце концов, как выглядит ситуация? Нас трое. Но только я один спасаю остальных. Я хотел бы еще, чтобы мне разрешили произнести речь о свободе.

Т о л с т ы й. Большую?

М а л ы й. Нет. Несколько слов.

Т о л с т ы й. Что ж, давайте.

М а л ы й /тащит один стул на край пласта и всходит на него, как на трибуну, как в сцене митинга/. Обычная свобода — это ничто. Только настоящая свобода что-то значит. Почему? Потому что она настоящая, то есть лучшая. Так где же искать настоящую свободу? Будем логичны. Если настоящая свобода не то же, что обычная свобода, то, следовательно, где настоящая свобода? Ясно, что настоящая свобода только там, где нет обычной свободы.

С р е д н и й. Шеф, а где соль?

Т о л с т ы й. Не мешать! В такую минуту... /Тихо/. В сундуке, внизу.

М а л ы й. Именно потому... /Средний подходит к сундуку, заглядывает в него, торопливо возвращается к Толстому/. Именно потому... /Эти слова он повторяет и будет повторять, как испорченная грамофонная пластинка, но не монотонно, а только по-разному интонируя, как будто отчаянно ища, что, собственно, хотел он этим сказать/.

С р е д н и й /взволнованно, вполголоса, но очень ясно/.
Шеф, я нашел телятину с горошком!

Т о л с т ы й. Тшш! Спрячьте ее сейчас же.

С р е д н и й. Именно потому... По правде говоря, я предпочел бы телятину. Вы знали об этом?

Т о л с т ы й. Именно потому. Но мне не хочется, а впрочем.

С р е д н и й. Что впрочем?

Т о л с т ы й /показывая на Малого/. Разве вы не видите, он уже счастлив?

З А Н А В Е С